

А.К. Салмин

**АРХИТЕКТОР ПЕТР ЕГОРОВ:
«РОДОМ Я ЧУВАШ»**

Исследование биографии П.Е. Егорова — архитектора чувашского происхождения, внесшего значительный вклад в историю архитектуры, — позволяет пролить свет на участие представителей чувашского народа в формировании не только этнической картины, но и архитектурного облика Санкт-Петербурга. Кроме того, его жизненный путь может быть интересен с точки зрения соотношения этнокультурной идентичности, сословной, конфессиональной принадлежности в профессиональном становлении и развитии в условиях российского общества XVIII столетия.

Ключевые слова: история архитектуры, архитектура Петербурга, чуваша, биография.

Anton K. Salmin

**ARCHITECT PYOTR EGOROV:
“ON THE BIRTH I AM CHUVASH”**

The research of the biography of P.E. Egorov — the architect of the Chuvash origin which has made the significant contribution to architecture history allows to bring additional strokes to understanding of participation of representatives of the Chuvash people in formation not only an ethnic picture, but also architectural appearance of St. Petersburg. On the other hand, his course of life can be interesting from the point of view of a ratio of ethnocultural identity, class, confessional accessory in professional formation and development in the conditions of the Russian society XVIII of century.

Keywords: architecture history, architecture of St. Petersburg, Chuvashs, biography.

В историю архитектуры Петербурга второй половины XVIII в. вписал яркие страницы чуваш П.Е. Егоров (1731–1789). В книге об архитекторах XVIII в. о нем сказано: «Рано проявил незаурядные художественные способности и талант архитектора, строителя, организатора. Видный мастер классицизма, архитектор и педагог Канцелярии от строений» [Зодчие 1997: 989].

Исследование биографии П.Е. Егорова позволяет внести дополнительные штрихи в картину участия представителей чувашского народа в формировании не только этнической картины, но и архитектурного облика Санкт-Петербурга. Его жизненный путь может быть интересен с точки зрения соотношения этнокультурной идентичности, сословной, конфессиональной принадлежности в профессиональном становлении и развитии в условиях российского общества XVIII столетия.

Сподвижник Петра Великого, грузин князь Егор Дадияни, из поездки по своим поместьям в Нижегородской губернии привез в Петербург маленького мальчика-сироту. Именья Е.Л. Дадияни находились в Сергачском округе Нижегородской губернии, а также в Курмышском уезде Симбирской губернии и Ядринском уезде Казанской губернии, населенных чувашами, что дает возможность говорить о происхождении мальчика из присурских деревень. К сожалению, установить точный возраст мальчика на тот момент не удалось. Воспитывался он в семье Егора Дадияни, получив имя и фамилию от своего воспитателя. Позже сам Петр Егоров не раз подчеркивал, что он — чуваш. Например, в марте 1755 г. он подал челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой принять его архитектурным учеником в школу при Канцелярии от строений, в которой, в частности, указал: «Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве господином генерал-майором артиллерии князем Дадияновым в Россию и им окрещен православной вере греческого исповедания; и находился при означенном господине генерал-майоре и доньне; и обучен российской грамоте, читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать; однако ж у упомянутого господина генерал-майора не крепостной, а состою вольным» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111. Л. 2]. Факт чувашского происхождения Петра Егорова опирается на записи архитектора, а также на свидетельства людей, близко знавших его. Эти подлин-

ные документы хранятся в государственных архивах. Так, в «Списке Конторы строения домов и садов о членах и прочих чинах» 1785 г. [РГИА. Ф. 470. Оп. 90. Д. 42] о Петре Егорове сказано, что он — «из новокрещеных чуваш».

Князь Егор Дадияни учил Петра не только грамоте и математике. Будучи генералом от артиллерии, он обладал прекрасными навыками в области рисования, живописи и архитектуры. Мальчику особенно полюбили математику, рисование и основы архитектуры. Руководитель архитектурной школы Канцелярии от строений С.А. Волков проверял знания Петра Егорова в течение двух недель. Успешно выдержав экзамены, в апреле Петр Егоров становится учеником «архитектурной команды». Одновременно он, достигнув 24 лет, покидает дом князя Дадияни. В декабре 1755 г. Егоров получает аттестат и начинает работать.

Ему дают ответственные поручения: он участвует в съемке генерального плана Петергофа (1756), копирует чертежи отдельных залов Зимнего дворца (1759). Первая самостоятельная работа П.Е. Егорова — составление в 1763 г. чертежей церкви Успения Пресвятой Богородицы (позже ее стали называть Екатерининской). Этот собор был построен в 1756–1768 гг. в г. Пярну (Эстония). В 1765 г. Петр Егоров направляется на строительство Училища для мещанских девушек (входит в ансамбль Воскресенского девичьего Смольного монастыря). Затем П.Е. Егоров, как опытный архитектор, активно привлекается к работам по возведению павильона для празднования водоосвящения на Неве, разработке чертежей домов адмиралов Г.А. Спиридонова и А.Н. Сенявина. В 1766 г. П.Е. Егоров заменяет своего учителя С.А. Волкова и начинает преподавать в архитектурной школе. В формулярном списке за 1767 г. о нем читаем: «В архитектурной науке хорошее знание имеет и против других <...> искуснее» [Кузнецова 2003: 42].

В октябре 1768 г. Петр Егоров направляется на постоянную работу «при Зимнем каменном дворце». Об этом в документе, хранящемся в РГИА (ф. 467 и 470), написано: «При Зимнем каменном дворце <...> работы всегда производятся, причем знающему делу быть должно, того ради означенной Канцелярии определить к тому дому к каменным работам заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами его не обязывать».

В сентябре 1768 г. назначенный руководителем строительства Мраморного дворца генерал-майор М.И. Мордвинов обращается к директору Канцелярии от строений И.И. Бецкому с просьбой направить к нему знающего «сие искусство» Петра Егорова. Сюда известный к тому времени архитектор П.Е. Егоров мог быть приглашен только с определенной целью — для работы над проектом. Никакой другой работы на строительстве Мраморного дворца в этот период еще и не было. П.Е. Егоров приступает к работе 1 октября 1768 г. В этом же месяце, согласно «щетам», начинаются изменения в предварительных проектах. В отзыве о Петре Егорове, написанном в январе 1786 г., в частности, читаем: «Приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и рассмотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по Его Господина Егорова прожектору, Ея Императорским Величеством апробированному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под Его ж присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает неусыпное оказал рачение и прилежность» [Кузнецова 2003: 174]. «К лучшим самостоятельным постройкам П.Е. Егорова относятся служебный корпус и великолепная ограда Мраморного дворца», — констатируют исследователи архитектуры Санкт-Петербурга XVIII в. [Зодчие 1997: 989] (см. рис.).

Вершиной творчества Петра Егорова считается шедевр мировой культуры — ограда Летнего сада. Строительство ограды продолжалось 16 лет (1770–1786). Согласно новому штату Конторы строений, в «архитектурной команде» полагалось иметь двух архитекторов, двух заархитекторов и четырех архитектурных помощников. Однако «стараниями» Ю.М. Фельтена был утвержден штат в составе одного архитектора (сам Ю.М. Фельтен) и двух заархитекторов (П.Е. Егоров и И.Б. Фок). В 1772 г. приняли еще заархитектора И.Ф. Дункера. Петр Егоров проработал здесь почти весь период строительства дворца — с 1772 по 1786 г. Сохранились чертежи ограды, выполненные рукой П.Е. Егорова.

В начале осени 1772 г. он представил первый вариант проекта ограды Летнего сада, куда вошли и элементы чертежа И.Б. Фока. Но вскоре П.Е. Егоров в корне перерабатывает первый вариант

Кованая решетка, выполненная по проекту архитектора П.Е. Егорова и служащая оградой Мраморного дворца

проекта. В частности, он отказывается от всех элементов барокко, убирает пышные вензеля, внесенные было по предложению Екатерины II, удаляет также провисающие цветочные гирлянды на колоннах и у корзин у створки ворот. Он ищет «наилучшие пропорции», соразмерность, ясность и гармонию. Фактически работа П.Е. Егорова над проектом в одиночку заняла 1772–1784 гг. Он постоянно переделывает и совершенствует проект, уточняет весь рисунок ограды, дважды меняет протяженность (сначала увеличивает размер каждого звена, затем — количество колонн). Окончательный вариант чертежа содержит изумительно легкие ворота, прелестные украшения и колонны, увенчанные изысканными вазами и урнами. В результате переработки ни один из компонентов не остался без кардинальных изменений. Ничего из первого варианта, представленного самим П.Е. Егоровым и И.Б. Фоком, в последнем варианте проекта не сохранилось. Тем более, как свидетельствуют исследователи Р.Д. Люлина, М.Ф. Коршунова и Э.Ф. Кузнецова, пер-

воначальные чертежи И.Б. Фока представляли собой копии из альбома Даниэля Маро.

Тем временем Ю.М. Фельтен под покровительством Бецкого делает карьеру: после ухода Растрелли становится главным архитектором Конторы строений, профессором Академии художеств, где после гибели Кокоринова начинает играть руководящую роль. В строительстве Летнего сада его функции ограничиваются административными. Его графический почерк известен по достоверным чертежам проекта восстановления колокольни Петропавловского собора, фасада южного корпуса Эрмитажа и фасада манежа при Зимнем дворце. Однако «ни один из сохранившихся 11 чертежей ограды не соответствует графической манере Фельтена, даже из тех, которые имеют его личную подпись. Два чертежа (варианты верхнего украшения на большие и малые ворота) выполнены И.Б. Фоком. Это подтверждается и графическим анализом, и архивными документами. Однако эти чертежи не были приняты к исполнению. Остальные 9 чертежей ограды Летнего сада выполнены в графической манере Петра Егорова, которая известна по его подлинным чертежам (павильон Иордань, иконостасы церквей — Екатерининской и Рождественской и др.). Графический почерк Егорова очень своеобразен и живописен (вспомним, что он учился в юности живописи)» [Кузнецова 2003: 82–83]. М.Ф. Коршунова по этому поводу замечает: «Со сметой на изготовление медных деталей связан чертеж малых ворот ограды, подписанный Фельтеном. Графическое исполнение листа не напоминает его руку» [Коршунова 1997: 485]. Кроме того, Р.Д. Люлина отмечает, что характерной чертой чертежей Егорова является некоторая приглушенность красок (все тона бледные, неяркие) и индивидуальная техника отмывки — тоже бледная, со слегка намеченными пятнами теней. В РГИА хранятся 509 листов чертежей по строительству «железной решетки с воротами» и «нет ни одной строчки, которая могла бы подтвердить творческое участие Фельтена в ее создании. В сооружении ограды Фельтен участвовал только как руководитель, начальник, главный архитектор и инспектор над мастерскими Конторы строений, обязанный наблюдать за всеми постройками, находящимися в ее ведении» [Кузнецова 2003: 116]. Об авторстве Петра Егорова свидетельствует и Формулярный список П.Е. Егорова за 1786 г., составленный протоколистом

Иваном Христофоровым через семь лет после окончания строительства ограды. Петра Егорова к этому времени в живых уже нет, а это еще раз подчеркивает беспристрастность составителя формуляра.

Авторство Петра Егорова в изготовлении чертежей и его непосредственное руководство строительством ограды можно проследить и по многим другим документам. Например, указ от 26 июля 1773 г., хранящийся в РГИА [Ф. 470. Оп. 86. Д. 11. Л. 261–266]: «А как на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой ширины между теми столбами звенья решетки делаться должны, заархитектору Егорову от Присутствия приказано сделать сходственный с апробированными той решетки и воротами чертежами на всю дистанцию как должно решетка с воротами и столбами и цоколем быть акуратный чертеж <...> для скорейшего сделания и представления оного на апробацию господину надворному советнику и архитектору Фельтену в утверждение, а ему, господину Фельтену, по рассмотрении тот чертеж, буде оный исправно сочинен будет, с надписанием, что по оному работу производить должно, представить в Кантору немедленно» [Кузнецова 2003: 190]. 21 октября 1773 г. Ю. Фельтен рапортует в Кантору строений Ее Императорского Величества домов и садов: «Во исполнение данного мне из оной Канторы указа, которым должно по берегу Невы реки у первого саду железную решетку и трое ворот сделать, учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною разсматриваемы и при сем во оную Кантору представляются, по которым и работу производить должно» [РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Д. 11. Л. 276]. Как видим, и сам Ю.М. Фельтен нисколько не оспаривал авторство чертежей ограды Летнего сада. Этот ключевой факт исследователями почему-то умалчивается.

Украшения ворот отливались из меди с позолотой. Работу мастеров постоянно контролировал сам Петр Егоров. Например, 4 ноября 1784 г. он докладывает в Кантору строений: «30 октября был у мастеров, и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приправлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудревата штука наподобие дерева, репьев больших три пары, алагрек один на

большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штуками золочением производить начато» [Кузнецова 2003: 101]. Действительно, такое цельное произведение могло быть создано лишь творческой мыслью одного архитектора, имевшего возможность выполнить всю работу от начала до конца. Ему, как опытному мастеру, поручались ответственные работы и по составлению смет, заключению контрактов и приемке готовых конструкций ограды от тульских литейщиков, путиловских каменщиков и мастеров медных украшений. Каждый раз Петр Егоров проверял соответствие изделий его чертежам. В 1778 г. были установлены все 36 гранитных колонн, между ними — 32 железных звена, одни большие и двое малых ворот.

Заметим: в академическом издании, посвященном 300-летию Санкт-Петербурга, имеются фотографии, иллюстрирующие достижения XVIII в. Среди них — и решетка Летнего сада. В подписи под этой фотографией весьма уклончиво сказано, что архитекторами ограды Летнего сада являются Ю. Фельтен и П. Егоров [Санкт-Петербург 2003]. Тем не менее вердикт ведущих исследователей таков: «Лучшим творением зодчего (Петра Егорова. — А.С.) является всемирно известная невская ограда Летнего сада, проектированию и строительству которой зодчий отдал многие годы жизни (1722–1786). Строилась под руководством Фельтена, но прямых свидетельств его творческого участия в проектировании нет. В то же время сравнение ограды Летнего сада с оградой Мраморного дворца говорит в пользу П.Е. Егорова» [Зодчие 1997: 989]. Как видим, справедливость торжествует со временем. Говоря о фонтане в Летнем саду, исследователь А.Ю. Епатко доказывает непосредственную причастность П.Е. Егорова и к этому объекту. До 1780 г. водометы фонтана «Лакоста» еще услаждали взоры посетителей Летнего сада. Но вследствие строительства каменной набережной вдоль Фонтанки Екатерина предложила разобрать водовозные башни и мост через реку, по которому шли фонтанные трубы. «В связи с этим архитектор П.М. (техническая ошибка: вместо «П.М.» следует читать «П.Е.». — А.С.) Егоров *выполнил* (курсив наш. — А.С.) по поручению Канцелярии от строений проект восстановления фонтанной системы Летнего сада» [Епатко 2008: 25]. Однако уже в следующем году императрица распоряжается иначе: всякие работы по фонтану

приостановить, а выделенную сумму направить на окончание работ в Эрмитаже.

За создание ограды Летнего сада П.Е. Егоров в 1786 г., то есть в год окончания всех работ, утвержден в надворные советники.

Как известно, в XVIII в. строительством дворцов и придворных зданий ведала Контора (Канцелярия) строения домов и садов, сыгравшая важную роль в русском искусстве. Первые полвека существования Петербурга мастера Канцелярии жили на правой стороне Невы, что было неудобно, ибо центр города со временем переместился на левый берег реки. Поэтому в 1752 г. им были отведены участки за Лиговским каналом, в местности, именуемой Пески, которая была перед этим четко распланирована. По проекту П.Е. Егорова 18 сентября 1781 г. на главной площади слободы был заложен каменный храм (на 2000 человек). Он строился в стиле классицизма: с ионическим портиком на фасаде, большим куполом (высотой 13 саженей) и двумя звонницами по углам. К концу 1783 г. каменщики Степана Судакова выстроили здание вчерне. По внешнему виду оно напоминало Троицкий собор Александро-Невского монастыря. Хотя церковь считалась известным памятником архитектуры, летом 1934 г., через несколько месяцев после закрытия, ее разобрали, и на этом месте разбили сквер. Последний настоятель протоиерей Г.А. Сербаринов был арестован и в 1938 г. расстрелян. Инициатива православной общественности города восстановить храм к 2000-летию христианства отклика у городской власти не нашла [Кобак, Антонов. Церковь]. В 2014 г. разрешение на воссоздание церкви на 6-й Советской улице, 19, известной как храм Рождества Христова на Песках, было выдано службой строительного надзора и КГИОП. В 2015 г. в епархии состоялось совещание, посвященное этому храму. Проект восстановления храма выполнило архитектурное бюро «Литейная часть-91». Предусмотрено полное восстановление храма по сохранившимся чертежам.

Таким образом, по чертежам Петра Егоровича Егорова или при его участии были построены: Екатерининская церковь в г. Пярну (Эстония), церковь Успения Пресвятой Богородицы, Училище для мещанских девушек (Александровский институт), Мраморный дворец, Иордань (предназначен для празднования «водоосвяще-

ния» на Неве), ограда и ворота Летнего сада, Рождественская церковь на Песках. Он заслуженно был удостоен должности заархитектора, званий коллежского асессора, надворного и титулярного советника.

Продолжаются попытки определить населенный пункт, где мог родиться Петр Егоров. Следуя архивным источникам, в частности документу «Дело о возведении в княжеское достоинство рода Дадиани» [РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Ед. хр. 277], можно указать на имения рода Дадиани, куда часто ездил князь Егор Дадиани: д. Каменка, Новая Березовка и с. Старая Березовка Сергачского района Нижегородской губернии. В наши дни в этих населенных пунктах чуваша компактно не проживают. Теперь жителями этих населенных пунктов являются татары и русские. Однако следует помнить, что на Средней Волге с X в. шел ассимиляционный процесс на основе ислама и кипчакизации. В соседнем Пильнинском районе, рядом с Чувашской Республикой, еще можно найти рудименты этого явления. Например, о с. *Петрякасы* Н.В. Морохин в своем «Нижегородском топонимическом словаре» приводит такие сведения: поселение известно с 1570 г.; татарские варианты названия — *Бетыракс*, *Бетыраксы* (патроним, от татарского имени *Батыр* или христианского *Петр*) и чувашского *касы* «селение, улица»; население — татары [Морохин 1997]. В историческом контексте допустимо, что эти татары и мишары — перешедшие в XVIII–XX вв. в ислам чуваша.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о чувашской идентичности П.Е. Егорова. Он никогда не скрывал своего чувашского происхождения и даже подчеркивал свои истоки в известных нам официальных документах. Со своей стороны земляки высоко чтут замечательного архитектора: имя выдающегося земляка объединяет чувашей, проживающих в Северной столице. Ему посвящены книги, статьи, ведутся архивные разыскания с целью расширения знаний о его жизненном пути и творческом наследии. Чувашское землячество Санкт-Петербурга создало фонд Петра Егоровича. Сейчас ведутся организационные работы по установлению памятного знака на ограде Летнего сада. Исследование биографии П.Е. Егорова позволяет внести дополнительные штрихи к пониманию участия представителей чувашского народа

в формировании не только этнической картины, но и архитектурного облика Санкт-Петербурга. Кроме того, его жизненный путь интересен с точки зрения соотношения этнокультурной идентичности, сословной, конфессиональной принадлежности в профессиональном становлении в условиях российского общества XVIII столетия. В целом тема захватывающая, но приходится констатировать, что ее изучение находится на начальной стадии.

Источники

Кобак А.В., Антонов В.В. Церковь Рождества Христова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encspb.ru/object/2804679002?lc=ru>.

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 470. Оп. 1. Д. 11. Контора строений Ея Императорского Величества домов и садов. 1773 г.

РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111. Гоф-интендантская контора. Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина [В.В.] Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 г. 7 л.

РГИА. Ф. 470. Оп. 86. Д. 11. Контора строений Ея Императорского Величества домов и садов. 1773 г.

РГИА. Ф. 470. Оп. 90. Д. 42. Список конторы строений домов и садов о членах и прочих чинах. 1785 г.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Ед. хр. 277. Дело о возведении в княжеское достоинство рода Дадиани. 1785–1866 гг. 79 л.

Библиография

Епатко А.Ю. Фонтан «Лакоста» в Летнем саду // История Петербурга. 2008. № 6. С. 20–26.

Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в.: Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм. СПб.: Лениздат, 1997. 1021 с., ил.

Коршунова М.Ф. Юрий Фельтен // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в.: Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм. СПб.: Лениздат, 1997. С. 465–526.

Кузнецова Э.Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 222 с.

Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Н. Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.

Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 760 л., ил.

References

Epatko A.Iu. Font an «Lakosta' v Letnem sadu. Istoriiia Peterburga. 2008. no. 6. Pp. 20–26.

Zodchie Sankt-Peterburga, XVIII v.: Arkhitektory barokko. Rannii klas-sitsizm. Strogii klassitsizm. St.-Petersburg: Lenizdat, 1997. 1021 p., il.

Korshunova M.F. Iurii Fel'ten. Zodchie Sankt-Peterburga, XVIII v.: Arkhitektory barokko. Rannii klassitsizm. Strogii klassitsizm. St.-Petersburg: Lenizdat, 1997. Pp. 465–526.

Kuznetsova E.F. Arkhitektor Petr Egorov. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2003. 222 p.

Morokhin N.V. Nizhegorodskii toponimicheskii slovar'. N. Novgorod: KiTizdat, 1997. 216 p.

Sankt-Peterburg: 300 let istorii. St.-Petersburg: Nauka, 2003. 760 l., il.